

Н.Н. Головин

**Мысли об устройстве
будущей Российской
вооруженной силы: общие
основания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Н. Головин**
Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы: общие основания / Н.Н. Головин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 84 с.

ISBN 978-5-517-97527-0

ISBN 978-5-517-97527-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Очеркъ 1-й.

Цѣль труда.

Задачи труда. Задачей предпринимаемаго труда является намѣтить тѣ пути, по которымъ должно пойти возрожденіе Россійской Вооруженной Силы.

Переходный періодъ и основной планъ созиданія русской вооруженной силы. Несомнѣнно, что этотъ созидательный процессъ вынужденъ пройти черезъ болѣе или менѣе продолжительный переходный періодъ, обуславливаемый внутренними политическими обстоятельствами, въ которыхъ будетъ происходить возстановленіе освободившейся изъ подъ ига III-го Интернаціонала Россіи. Въ этотъ переходный періодъ новая власть будетъ нуждаться въ оказавшейся на лицо къ моменту переворота вооруженной силѣ для обезпеченія въ странѣ закона и порядка. Срочность и напряженность требованій минуты вынудятъ также новую власть прибѣгать къ упрощеннымъ методамъ формировація и устройства войсковыхъ частей, примѣняя въ этомъ отношеніи приемы, выработанные опытомъ гражданской войны.

Но эти приемы во многомъ отличны отъ методовъ веденія серьезной войны на внѣшнемъ фронтѣ. Изученіе войнъ эпохи Французской революціи показываетъ, что Французской арміи пришлось пережить трудный періодъ, въ теченіе котораго она нѣсколько разъ была на краю гибели; если не случилось разгрома, то только потому, что враги Франціи въ этотъ періодъ оказались въ военномъ отношеніи совершенно несостоятельными. Высокій патріотическій подъемъ сопровождавшій Французскую Революцію, помогъ французской арміи использовать опытъ войны на внѣшнемъ фронтѣ и переродиться въ настоящую національную вооруженную силу, оказавшуюся затѣмъ въ рукахъ Наполеона почти непобѣдимой.

Несостоятельность вооруженной силы, построенной на принципахъ веденія гражданской войны, еще болѣе подтверждается на опытѣ Красной Арміи. Выигравъ въ концѣ концовъ войну на внутреннемъ фронтѣ, она оказалась несостоятельной въ борьбѣ съ врагомъ внѣшнимъ: на Наровѣ она не въ силахъ разбить преградившую ей путь наскоро сформированную Эстонскую дивизію; на востокъ всякая встрѣча съ японцами, хотя и во много разъ слабѣйшими числомъ, неизмѣнно кончается быстрымъ разгромомъ; наконецъ, въ Польскую войну, несмотря на низкое качество только что созидавшейся тогда польской національной арміи, наступленіе къ Варшавѣ кончается катрофическимъ бѣгствомъ.

Опытъ граждан- ской и опытъ большой войны.

Не подлежитъ сомнѣнію, что опытъ гражданской войны долженъ быть учтенъ. Но не надо забывать что гражданская война, какъ и колоніальная, не можетъ дать той полноты опыта современной войны, которую даетъ война съ внѣшнимъ врагомъ серьезной силы и исполняющимъ современные методы веденія войны и организациі арміи. Въ подобной „большой“ войнѣ все государство напряжено съ верху до низу и охвачено единой цѣлью и волею. Тутъ во-куютъ не арміи, а цѣлые вооруженные народы со всѣми своими организованными государственными аппаратами, активно напрягая всѣ свои силы и средства. Въ колоніальной войнѣ, какъ и въ гражданской, борются лишь арміи и классы. Хотя въ гражданской войнѣ населеніе страны страдаетъ не меньше, чѣмъ въ „большую войну“, но степень всенароднаго организованнаго напряженія несравнено меньше; общій развалъ государства особенно этому препятствуетъ. Поэтому ни колоніальная, ни гражданская война не двигали такъ рѣзко и радикально впередъ военную науку, какъ это дѣлали войны „большія“. Другое напряженіе народа, другой масштабъ. Съ этой точки зрѣнія наша Японская, равно какъ и Англо-Бурская, быстро приняли характеръ „большихъ войнъ“. Но наша борьба на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, въ Китаѣ, борьба англичанъ въ Индіи и ихъ борьба съ махдистами въ Суданѣ, борьба французовъ въ Мароко — все это войны колоніальныя. Значительно меньшая степень организованности борьбы, численности силъ и мощности средствъ, съ которыми ведутся колоніальныя войны и гражданскія, придають имъ характеръ веденія „малой войны“, въ своихъ формахъ напоминающей войны прошедшихъ вѣковъ.

Предостереженія противъ пере- оцѣнки опыта гражданской войны.

Вопросомъ особой важности является, чтобы новая власть въ тяжелый для нея періодъ не утратила подъ влияніемъ потребностей ближайшаго дня государственной точки зрѣнія и не сошла съ пути, ведущаго къ созиданію вооруженной силы, годной для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ. На мѣры, которыя она должна будетъ принимать въ переходный періодъ, она должна смотрѣть, какъ на мѣры временныя, какъ на компромиссы, отъ которыхъ она должна будетъ отказаться сейчасъ же, какъ только путь мирнаго строительства будетъ расчищенъ. Болѣе того: уже въ переходной періодъ должно быть приступлено безъ промедленія къ созиданію вооруженной силы, отвѣчающей требованіямъ веденія современной „большой“ войны. Между тѣмъ, опасность для новой власти утратить правильную точку зрѣнія велика. Первое время послѣ переворота въ командномъ составѣ непременно будетъ господствовать тенденція преувеличивать значеніе опыта гражданской войны. Большая часть лучшаго офи-

церскаго состава, на которомъ будетъ строиться будущая Россійская Армія, участвовала въ гражданской войнѣ на той или другой сторонѣ внутренняго фронта. Болѣе близкій опытъ, связанный съ чрезвычайно тяжелыми личными переживаніями, заслонить собой опытъ войны болѣе дальній и вызывающій несравненно болѣе сложныя размышленія. Отразится и тотъ фактъ, что въ Красной Арміи, по причинамъ чисто политическаго характера, опытъ гражданской войны искусственно раздувается и вокругъ него создаются цѣлыя легенды. Эти легенды, хотя и въ измѣненномъ видѣ, останутся долго жить въ средѣ офицеровъ состава бывшей Красной Арміи и послѣ переворота.

Повидимому, руководители Красной Арміи начинаютъ также понимать, что на опытѣ гражданской войны настоящей вооруженной силы не построишь. Объ этомъ свидѣлствуютъ рѣчи Троцкаго (Бронштейна) и Фрунзе, произнесенныя въ 1924 году въ Красной Военной Академіи. Особенно показательна въ этомъ отношеніи рѣчь Фрунзе, изображающаго въ настоящую минуту нѣчто вродѣ начальника Генеральнаго Штаба и въ то же время и начальника Военной Академіи.

Но трагизмъ положенія большевиковъ и заключается въ томъ, что при ихъ режимѣ невозможна никакая научная работа. Въ отвѣтъ на выраженные Троцкимъ и Фрунзе пожеланія они могутъ услышать лишь хоръ льстецовъ и политикановъ, подыгрывающихся къ „сильнымъ“ въ настоящую минуту.

Такимъ образомъ, научная разработка богатѣйшаго опыта минувшей большой войны въ настоящее время въ Россіи не можетъ быть произведена. А, между тѣмъ, такая работа должна быть произведена заблаговременно, такъ какъ новая національная власть, которая придетъ на смѣну III-му Интернаціоналу, должна сразу видѣть пути, по которымъ необходимо должно пойти возрожденіе вооруженной силы освобожденной Россіи.

О черкъ 2-й.

Военная доктрина.

Что такое военная доктрина. Какъ только Суворовъ вступалъ въ командованіе войсками, онъ тотчасъ же разсылалъ имъ свою „Науку побѣждать“. Послѣдняя, изложенная своеобразнымъ Суворовскимъ языкомъ, понятнымъ рядовому нижнему чину, представляла собой своего рода катехизисъ, который всѣ генералы, офицеры и унтеръ-офицеры обязаны были знать наизусть, рядовымъ же соотвѣтствующія выдержки изъ этого катехизиса должны были читаться ежедневно.

Какое первостепенное значение придавал Суворовъ пониманію и усвоенію своей „Науки побѣждать“, свидѣтельствуя слѣдующія заключительныя слова этого катехизиса: „За немогузнайку офицеру арестъ, а штабъ-офицеру арестъ квартирный. Ученіе свѣтъ. Неученіе тьма. Дѣло мастера боится. И крестьянинъ, не умѣетъ сохой владѣть, — хлѣбъ не родится. За ученаго трехъ не ученыхъ даютъ. Намъ мало трехъ.. Давай намъ шесть, давай намъ десять на одного. Всѣхъ повалимъ, побьемъ, въ полонъ возьмемъ. Въ послѣднюю кампанію непріятель потерялъ счетныхъ семьдесятъ пять тысячъ, только что не сто: а мы и одной тысячи не потеряли. Вотъ, братцы, военное обученіе. Господа офицеры, какой восторгъ!“

Суворовская „Наука побѣждать“ не есть уставъ: Суворовская „Наука побѣждать“ есть Суворовская доктрина.

Слова „военная доктрина“ были очень долго не въ почетѣ у насъ. Тутъ, конечно, имѣло нѣкоторое значеніе иностранное происхожденіе слова „доктрина“ и то, что пониманіе этого слова смѣшивалось съ понятіемъ „доктринерства“. Опасаемся, что и до сихъ поръ въ массахъ нашего офицерства слово „доктрина“ пользуется такимъ же успѣхомъ, какъ слова „жупель“ и „металлъ“ въ комедіи Островскаго у замоскворѣцкой купчихи. Не любовь къ методичной упорной и долгой работѣ, а наоборотъ, пристрастіе къ „авось“, да „небось“, прикрываемое ожиданіемъ наитія свыше, являються, къ сожалѣнію, нашими отрицательными національными свойствами. Вслѣдствіе этого наше обычное отношеніе къ вопросу „доктрины“ является своего рода національнымъ предрасудкомъ. Примѣръ Суворова — этого величайшаго русскаго полководца, не уступающаго въ своемъ геніи другимъ великимъ полководцамъ міровой исторіи, тѣмъ болѣе поучителенъ.

Доктрина представляетъ собой чисто практическое приложеніе отвлеченныхъ выводовъ науки къ условіямъ опредѣленной войны. Военная доктрина создается для данной войны; если можно выразиться: для войны съ маленькой буквы и предшествуемой какимъ либо прилагательнымъ. Наука создается для войны вообще, для войны съ большой буквы. Условіями, обуславливающими созданіе доктрины, являются: свойства войскъ своихъ и противника, сила и свойства находящагося на лицо вооруженія, государственныя, національныя и экономическія условія, въ которыхъ приходится вести данную войну, условія театра войны: т. е. все, что можно обобщить въ словахъ — „реальная обстановка войны“. Вотъ почему, если военная наука не можетъ различаться отъ того, преподается ли она въ Военной Академіи въ Петроградѣ, въ Парижѣ или въ Берлинѣ, то доктрины русская, французская и нѣмецкая неминуемо будутъ заключать въ себѣ различныя черты. Болѣе того: доктрины одной и той же арміи въ различныя войны должны между собой отличаться. Въ современную же эпоху, вслѣдствіе быстраго совершенствованія те-

хники, передъ каждой кампаніей должна выработываться новая или, по крайней мѣрѣ, обновленная доктрина.

Противники доктрины указываютъ, что высшее военное образование должно обнимать собой пониманіе, какъ вести войну при всякой обстановкѣ. Въ своемъ требованіи къ высшему военному образованію они правы. Но въ своемъ выводѣ они грѣшатъ тѣмъ, что упускаютъ изъ виду, что дѣйствительное усвоеніе военной науки въ ея высшемъ отвлеченіи удѣлъ немногихъ. Массы же людей нуждаются въ болѣе узко практическихъ указаніяхъ. Это требованіе получаетъ особое значеніе въ условіяхъ современной войны, когда на борьбу выступаютъ не прежнія профессиональныя арміи, а вооруженные народы.

Военная наука создается по преимуществу путемъ анализа. Военная доктрина представляетъ собой результатъ синтеза. Среди всѣхъ многочисленныхъ методовъ, на которые указываетъ военная наука, созидатели доктрины избираютъ комбинацію методовъ, которые, по ихъ мнѣнію, являются наиболѣе приложимыми въ обстановкѣ данной или ожидаемой войны. Какъ всякая синтетическая работа, созиданіе военной доктрины требуетъ наличія не только научно-аналитическаго ума, но и практически-созидательнаго таланта. Безъ этого военная доктрина превратится въ трафаретъ, противъ чего боролись всѣ великіе полководцы, хотя каждый изъ нихъ создавалъ свою собственную доктрину.

Разительный примѣръ мы можемъ увидѣть въ военной исторіи, прослѣдивъ, какъ доктрина Фридриха II Прусскаго въ рукахъ его наслѣдниковъ, по мѣрѣ измѣненія условій войны, съ пути громкихъ побѣдъ короля-философа привела на путь разгрома у Иены и Ауэрштѣдта.

Точка зрѣнія Мольтке на со- зиданіе военной доктрины.

Военному генію свойственна не только чрезвычайная чуткость къ текущимъ требованіямъ жизни, но и предвидѣніе грядущихъ измѣненій въ этихъ требованіяхъ. Соотвѣтствующая доктрина создается ими также интуитивно, какъ творитъ свое произведеніе геніальный писатель или художникъ. Но вытекаетъ ли отсюда, что для созданія доктрины армія должна ждать появленія великаго полководца? У насъ очень много сторонниковъ подобной точки зрѣнія. Иначе посмотрѣли на это дѣло нѣмцы. Мольтке считалъ, что участь государства не можетъ быть поставлена на карту въ зависимости отъ рѣдкой случайной случайности — появленія во главѣ арміи геніальнаго полководца. А между тѣмъ, Пруссія времени Мольтке стояла передъ эпохой кровавой борьбы за созданіе единства Германіи. И вотъ Мольтке стремится поставить участь Пруссіи внѣ зависимости отъ случайности. Въ основу организационнаго высшаго управленія Прусской, впослѣдствіи Германской, вооруженной силы онъ кладетъ расчетъ на коллективную работу многихъ людей, на-

учно образованныхъ, часто талантливыхъ. Собственно говоря, избранный имъ путь — путь свойственный всѣмъ областямъ современной жизни.

Точка зрѣнія Мольтке не отрицаетъ великаго значенія генія. Если ему суждено явиться, то онъ только найдетъ въ подготовленной Мольтке средѣ мощную помощь. Ему не будетъ грозить трагическая судьба гениальнаго Наполеона. А если генію не суждено придти, то все-таки возможны хотя и не ошеломляющіе своимъ блескомъ результаты, то все-же достиженіе побѣды, пути къ которой являются при такихъ условіяхъ не заказанными; ибо, какъ сказалъ Виллизенъ: „отъ знанія до искусства разстояніе гораздо меньше, чѣмъ отъ невѣжества“.

Правильность этой точки зрѣнія проста до самоочевидности. Трудности заключались въ ея осуществленіи. Успѣхъ на войнѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, зависитъ отъ осуществленія единства дѣйствій. Поэтому въ военномъ дѣлѣ путь коллективной работы чреватъ большими опасностями. Гениальность Мольтке и заключается въ томъ, что онъ находитъ нужный регуляторъ. Этимъ регуляторомъ и должно было служить единство доктрины. Для постоянной творческой работы надъ нею онъ создаетъ свой Большой Генеральный Штабъ. Эта основная задача Большого Германскаго Генеральнаго Штаба служить той научной лабораторіей, въ которой должно было выковываться единство точки зрѣнія команднаго состава германской арміи, оставалась долго не вполнѣ понятой сосѣдямъ. Германіи. Съ чувствомъ радости констатируетъ это самъ Мольтке незадолго передъ смертью, утверждая, что, хотя вѣроятные враги Германіи многое заимствовали у нея, но создать Большого Генеральнаго Штаба въ истинномъ значеніи этого слова они не смогли.

**Опытъ войны 1870—77 г. и ми-
нувшей полно-
стью подтверди-
ли правильность
точки зрѣнія
Мольтке.**

Война 1870—71 г. подтвердила всѣ расчеты Мольтке. Общее управленіе германскими арміями, вторгнувшимися во Францію, часто выскальзываетъ изъ рукъ Верховнаго Главнокомандующаго Короля Прусскаго и его начальника штаба Мольтке. Первые крупныя сраженія Шнихернъ, Вертъ, Коломбай-Нуили и Марсъ-Ла-Туръ разыгрываются для верховнаго командованія случайно. Тѣмъ не менѣе, единство дѣйствій быстро восстанавливается, ибо на разныхъ точкахъ театра военныхъ дѣйствій различные начальники рѣшаютъ представшія неожиданно передъ ними задачи одинаково и въ духѣ высшаго командованія. Война 1870—71 г. крайне поучительна еще и въ томъ отношеніи, что она уже воочію показала, что веденіе современной войны массовыхъ армій при господствующемъ значеніи огня на поляхъ сраженія настолько усложнилось, что даже генію трудно справиться съ своей задачей при отсутствіи подготовленныхъ

въ единой доктринѣ начальниковъ. Геніальность же самого Мольтке сказалась прежде всего въ провидѣніи „научнаго“ характера веденія современной войны и въ осуществленіи этого на дѣлѣ. Вѣрная завѣтамъ своего великаго полководца Германія со свойственной ей методичностью шла дальше по этому пути. Вспыхнула Мировая война. Генія въ Германіи не оказалось. Война въ концѣ концовъ была ею проиграна. Но нужно отдать справедливость, что побѣда надъ Германіей была достигнута напряженнѣйшими усиліями почти всего міра и притомъ съ большимъ трудомъ. Несмотря на конечное пораженіе Германіи, утвержденія стараго Мольтке остаются вѣрными. Въ этомъ можно убѣдиться, изучая любую нѣмецкую операцію минувшей войны. Въ особенности рельефно выступаетъ значеніе школы фельдмаршала Мольтке въ операціи 8-ой германской арміи противъ арміи генерала Самсонова.

Для подробнаго ознакомленія съ этой операціей мы отсылаемъ къ нашей книгѣ *„Изъ исторіи кампаніи 1914 г. на русскомъ фронтѣ; начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи“*. Ни Гинденбургъ, ни тѣмъ болѣе Людендорфъ не одарены геніальностью; работа воспитаннаго въ единой доктринѣ команднаго состава восполняетъ это. Идея операціи рождена коллективно, на разныхъ точкахъ театра военныхъ дѣйствій, 8 августа (старогаго стиля) генераль Шольцъ, командиръ XX-го германскаго корпуса, находившагося непосредственно на путяхъ наступленія арміи генерала Самсонова, посылаетъ телеграмму командующему 8-ой германской арміей генералу Притвицу съ предложеніемъ сосредоточить свой корпусъ въ районѣ Гильгенбурга для удара въ лѣвый флангъ Самсоновской арміи въ случаѣ, если она пойдетъ на Алленштейнъ. Генераль Притвицъ, хотя и рѣшившій подъ впечатлѣніемъ неудачи корпуса Макензена подъ Гумбиненомъ отойти къ Вислѣ, немедленно соглашается на это, причемъ осуществленію предложенія Шольца благопріятствуетъ уже рѣшенная наканунѣ Притвицомъ перевозка 1-го германскаго корпуса къ правому флангу Шольца, а также направленіе 3-ей резервной дивизіи къ Алленштейну. 8-го же августа, изъ Кобленца начальникъ штаба Кайзера указываетъ Притвицу на ту же идею, настаивая при этомъ на притягиваніи къ группѣ Шольца еще двухъ корпусовъ: XVII-го и I-го резервнаго. Въ тотъ же день, 8 го августа, повидимому смущенный моральной подавленностью Притвица, генераль Мольтке запрашиваетъ мнѣніе командира I-го германскаго корпуса генерала Франсуа, слѣдующаго въ это время въ поѣздѣ по желѣзнодорожной линіи Инстербургъ — Кенигсбергъ. Франсуа ничего не знаетъ о предложеніи Шольца; тѣмъ не менѣе, онъ въ своемъ отвѣтѣ настаиваетъ на приближеніи станціи высадокъ I-го корпуса къ правому флангу XX корпуса и высказываетъ мысли совершенно отвѣчающія пожеланіямъ генерала Шольца. Когда Гинденбургъ и Людендорфъ пріѣзжаютъ въ Маріенбургъ, гдѣ первый вступаетъ въ командованіе 8-ой арміей на мѣсто отрѣшеннаго Притвица, имъ остается лишь продолжать уже принятое рѣшеніе.

То же поразительное единство взглядовъ команднаго состава мы обнаружимъ, если проанализируемъ управление 8-ой арміей во время самаго сраженія. Три раза распоряженія штаба 8-ой арміи облегчаютъ выходъ центральныхъ корпусовъ арміи Самсонова изъ мѣшка, въ который они залѣзли, но окруженіе ихъ все-таки состоялось, такъ какъ на двухъ противоположныхъ флангахъ генераль Франсуа (1-й корпусъ) и генераль Макензенъ (XVII корпусъ), находясь ближе къ мѣстамъ рѣшительныхъ дѣйствій, по собственному почину измѣняютъ поставленныя имъ свыше оперативныя задачи; оба они рѣшаютъ задачу совершенно тождественно, въ духѣ доктрины своего непосредственнаго учителя бывшаго начальника Генеральнаго Штаба генерала Шлифена*), проводившаго въ германской арміи идею веденія сраженія съ наиболѣе рѣшительнымъ результатомъ, а именно съ производствомъ двойнаго охвата противника (Канны). Не будетъ парадоксомъ утверждать, что побѣда надъ арміей Самсонова одержана: стратегически фельдмаршаломъ Мольтке, тактически — фельдмаршаломъ Шлифеномъ.

Итакъ, военная доктрина есть комбинація приѣмовъ боевыхъ дѣйствій, которая устанавливается верховнымъ руководствомъ вооруженной силы не для войны вообще, а для определенной войны.

Если представить себѣ эту мысль графически, то ее можно было-бы изобразить такъ: въ обширномъ кругѣ, заключающемъ въ себѣ всѣ безчисленные методы, указываемые военной наукой, верховное руководство проводитъ внутренній кругъ, ограничивающій въ себѣ методы, которые, по его мнѣнію, являются наиболѣе отвѣчающими ожидаемой обстановкѣ. Само собой разумѣется, что остальные методы не исключаются, но предпочтеніе, отдаваемое нѣкоторымъ изъ нихъ, облегчаетъ подготовку вооруженной силы, сводя предъявляемая къ ней требованія съ пути очень широкихъ абстракцій на путь болѣе определенныхъ требованій. Изъ заоблачныхъ высей философскаго отвлеченія научные выводы низводятся на землю съ неизбѣжными ея грѣхами и треніями. Отвѣтственность, которую беретъ на себя въ этомъ случаѣ верховное руководство, очень велика. Если оно ошибается, то заложить начало поражений, а не побѣдъ. Человѣческая слабость заставляетъ иногда вождей уклоняться отъ отвѣтственнаго творчества, стремясь передоверить эту отвѣтственность на подчиненныхъ. Благодаря этому сохраняется возможность формальнаго оправданія передъ современниками ссылкой на то, что

*) Фельдмаршалъ графъ фонъ Шлифенъ, восторженный послѣдователь школы фельдмаршала Мольтке, умеръ въ 1913 году. Послѣдняя его научная работа представлявшая собой высшее завершеніе германско до военной доктрины, подъ заглавіемъ „Канны“ была напечатана въ официальномъ журналѣ нѣмецкаго Большаго Генеральнаго Штаба „Vierteljahrshefte für Truppenführung und Heereskunde“ въ 1909 г. стр. 527—572. 1910 г. —стр. 11—30, 1911 г.—стр. 355—365, 1912 г.—стр. 185—214 съ окончаніемъ въ 1913 году.

подчиненные не согласовали свои дѣйствія съ обстановкой. Эта формула всеобъемлюща, а потому и является излюбленной, но исторія не вынесетъ оправданія подобнымъ вождямъ, ибо только высшее руководство военной силой можетъ предвидѣть тѣ данныя, которыя обуславливаютъ тотъ или другой характеръ ожидаемой въ ближайшемъ будущемъ войны.

Уставы (наставленія, инструкціи, положенія) какъ внѣшнее выраженіе военной доктрины.

Въ прежнія эпохи созидать и проводить въ жизнь свою доктрину могъ единолично полководецъ. Уставы представляли собой лишь предписанія узко формальнаго характера (строй, перестроенія и т. д.). Но, по мѣрѣ усложненія веденія войны, даже такъ называемые строевые уставы теряютъ свой исключительный формальный характеръ. Стоитъ только посмотрѣть хотя бы современные германскіе и французскіе уставы родовъ войскъ. Части ихъ, касающіяся боевыхъ дѣйствій, приняли характеръ учебниковъ тактики. Такимъ образомъ, устанавливаемая доктрина уже въ строевыхъ уставахъ находитъ свое яркое отраженіе. Въ современную эпоху уже невозможенъ случай, имѣвшій мѣсто въ Наполеоновскую эпоху, когда французская Императорская армія, ведшая свои бои на началахъ глубокой тактики, до конца своего существованія въ 1815 году имѣла въ своемъ распоряженіи уставъ 1791 года, построенный всецѣло на принципахъ линейной тактики. Подобное ненормальное положеніе вещей было и тогда терпимо лишь потому, что армія Наполеона почти все время находилась на войнѣ, и войска усвоили доктрину своего полководца чисто практически, на боевомъ опытѣ.

Насколько выше Наполеона былъ въ этомъ отношеніи нашъ Суворовъ со своей „наукой побѣждать“. Съ дальнѣйшимъ теченіемъ исторіи жизнь ярко подтвердила это. Мольтке подготавливаетъ прусскую армію къ побѣдамъ 1866 и 1870—71 гг., несмотря на то, что эта армія пребываетъ 50 лѣтъ въ мирѣ. Для настоящей эпохи методы Суворова и Мольтке являются единственными соотвѣтствующими. Эти методы, въ отличіе отъ прежнихъ методовъ, узко практическихъ, могутъ быть названы научными.

Значеніе военной науки для созданія доктрины стало въ настоящую эпоху еще болѣе значительнымъ. Съ усложненіемъ матеріальной части чрезвычайно усложнились методы боевыхъ дѣйствій и увеличилось число комбинацій, между которыми приходится выбирать созидателю доктрины. Быстрота же совершенствованія матеріальной части приводитъ къ тому, что опытъ минувшей войны быстро старѣетъ, и только наука можетъ предвидѣть дальнѣйшую эволюцію военнаго искусства.

Сложность и измѣнчивость современной военной доктрины вноситъ большое затрудненіе въ дѣло обученія войскъ. При современной системѣ кадровой арміи въ мирное

время под знаменами обучаются миллионы переменного состава, образующего, послѣ краткаго срока своей дѣйствительной службы, запасъ обученныхъ бойцовъ. Переучивать этотъ запасъ при объявленіи мобилизациі представляетъ большія трудности. Использование при мобилизациі перволинейными войсками младшихъ сроковъ службы вноситъ нѣкоторое облегченіе въ рѣшеніе труднаго вопроса боевой подготовки армии. Но кромѣ этого создатели вооруженной силы должны учесть также сложность и измѣнчивость современныхъ военныхъ доктринъ при составленіи уставовъ: матеріалъ, подлежащій изложенію въ уставахъ, распредѣляется не только по специальностямъ (уставы родовъ войскъ, службъ и т. п.), но и по степени подверженности его измѣненіямъ. Практически это осуществляется слѣдующимъ образомъ.

Уставы родовъ войскъ (такъ называемые строевые уставы) должны заключать въ себѣ только тѣ элементарныя данныя, которыя обуславливаются находящимся въ данную минуту у армии вооруженіемъ. При этомъ эти уставы должны подраздѣляться на двѣ части: собственно уставъ со всѣми формальными наимѣнѣ измѣняемыми данными и наставленіе для боевыхъ дѣйствій въ рамкахъ не выше полка. Эта вторая часть можетъ подвергаться болѣе частымъ измѣненіямъ, но всетаки, въ виду того, что рамки ея ограничены разсмотрѣніемъ дѣйствій малыхъ войсковыхъ единицъ, она будетъ болѣе устойчивой, нежели уставныя указанія, касающіяся болѣе крупныхъ единицъ. По этому пути мы уже шли до войны, но мы считаемъ, что эта идея должна быть проведена гораздо рѣзче и полнѣе: въ строевые уставы должны быть перенесены и элементарныя формулы такъ называемой полевой службы войскъ, а именно: развѣдка, охраненіе, походныя движенія, расположеніе на отдыхъ, а также вопросы управленія въ рамкахъ полка.

Руководящія указанія для дѣйствія войсковыхъ единицъ высшихъ, нежели полкъ, мы предлагаемъ распредѣлить на двѣ группы наставленій или инструкцій.

1. „Наставленіе для совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ“ въ рамкахъ бригады, дивизиі и корпуса, а также всѣ инструкціи, касающіяся работы различныхъ службъ: связи, снабженія и тыла, обеспечивающихъ успѣхъ боевыхъ дѣйствій вышеуказанныхъ боевыхъ соединений.

2. „Наставленіе для вожденія высшихъ соединеній“. посвященное методамъ оперативнаго руководства корпусомъ, арміей и группой армій, а также „Положеніе о полевомъ управленіи войскъ“ и сопряженные съ ними другія „положенія“.

При такомъ распредѣленіи инструктивнаго матеріала доктрины получается возможность саму редакцію изложенія уставовъ и наставленій приспособить къ степени подготовленности того круга начальниковъ, къ которымъ каждый изъ